

идея или, правильней сказать, привлекал комплекс идей, носителем которых является святой старец. А рупором — Алеша Карамазов, составивший «Житие в бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы».

Из «Жития...» выясняется, что первым событием, потрясшим будущего святого и, уж во всяком случае, прошедшим через всю жизнь, стала смерть его старшего брата Маркела. Она не была внезапной, эта смерть, он смиренно ждал ее и загодя наказал своему маленькому братцу: «Живи за меня». Братец не забудет этих слов, а ощущение это, что ты живешь за кого-то, умершего ли, не родившегося ли вовсе, наполнило его жизнь той самой благодарностью, которая является основой христианского чувства. Не зря герой «Записок из подполья», обожающий выворачивать истины наизнанку, настаивает, что человек «неблагодарен феноменально». И продолжает: «Я даже думаю, что самое лучшее определение человека — это: существо на двух ногах и неблагодарное».

Но вернемся к брату Зосимы Маркелу. Скончался Маркел «на третьей неделе после Пасхи, в памяти, и хотя и говорить уже перестал, но не изменился до самого последнего своего часа: смотрит радостно, в очах веселье, взглядами нас ищет, улыбается нам, нас зовет». Ладно, это смерть 17-летнего юноши, уход невинной души, но ведь почти так же благостно покидает бранный мир женоубийца Михаил, еще один персонаж составленного Алешей «Жития...». Хорошо, по-людски умирает раб Божий Михаил, перед тем облегчив свою грешную душу исповедью и поборов — не без труда — соблазн убить узнавшего его тайну человека, будущего старца Зосиму. Умирает в конце концов и сам старец, тоже легко и быстро («Даже за пять минут до кончины... нельзя было еще ничего предвидеть»). Итак, целых три смерти на одно «Житие...». Не многовато ли? Нет, не многовато, ибо, напоминает Алеше Зосима, «каждый час и каждое мгновение ты-

сячи людей покидают жизнь свою на сей земле».

Но дело не только в количестве. Дело в том качественном преображении, которое производит смерть. Этому сильнейшему преобразению подвергаются не только уходящие из жизни, но и остающиеся в ней — в первую очередь те, за кем смерть приходила, но по каким-то причинам пока что (разумеется, пока что!) не забрала человека.

«Ангел смерти, слетающий к человеку, чтоб разлучить его душу с телом, весь сплошь покрыт глазами», — пишет Лев Шестов, ссылаясь на одну древнюю мудрую книгу; имеется в виду Талмуд, но в Талмуде этого места найти не удалось, поэтому есть все основания считать образ многоглазого ангела порождением фантазии самого Льва Шестова. Философ сделал это в работе, которая называется «Откровения смерти» и первая часть которой посвящена столетнему юбилею Достоевского. «Зачем понадобилось ангелу столько глаз, — ему, который все видел на небе и которому на земле и разглядывать нечего?» Ответ Шестова таков: глаза нужны вовсе не ангелу. Кому же тогда? На какой такой случай?

А вот на какой: «Бывает так, что ангел смерти, явившись за душой, убеждается, что он пришел слишком рано, что не наступил еще человеку срок покинуть землю. Он не трогает его души, даже не показывает ей, но, прежде чем удалиться, незаметно оставляет человеку еще два глаза из бесчисленных собственных глаз. И тогда человек внезапно начинает видеть сверх того, что видят все и что он сам видит своими старыми глазами, что-то совсем новое. И видит новое по-новому, как видят не люди, а существа «иных миров».

Другими словами, всякий побывавший, условно говоря, на Семеновском плацу, возвращается оттуда с дополнительной парой глаз. Шестов прямо говорит, что «одним из таких людей, обладавших двойным зрением, и был, без сомнения, Достоевский». А дальше следует удивительный вопрос: «Когда слетел к нему ангел смерти?» Удивительный, потому что ответ очевиден, в том числе, конечно, и для са-

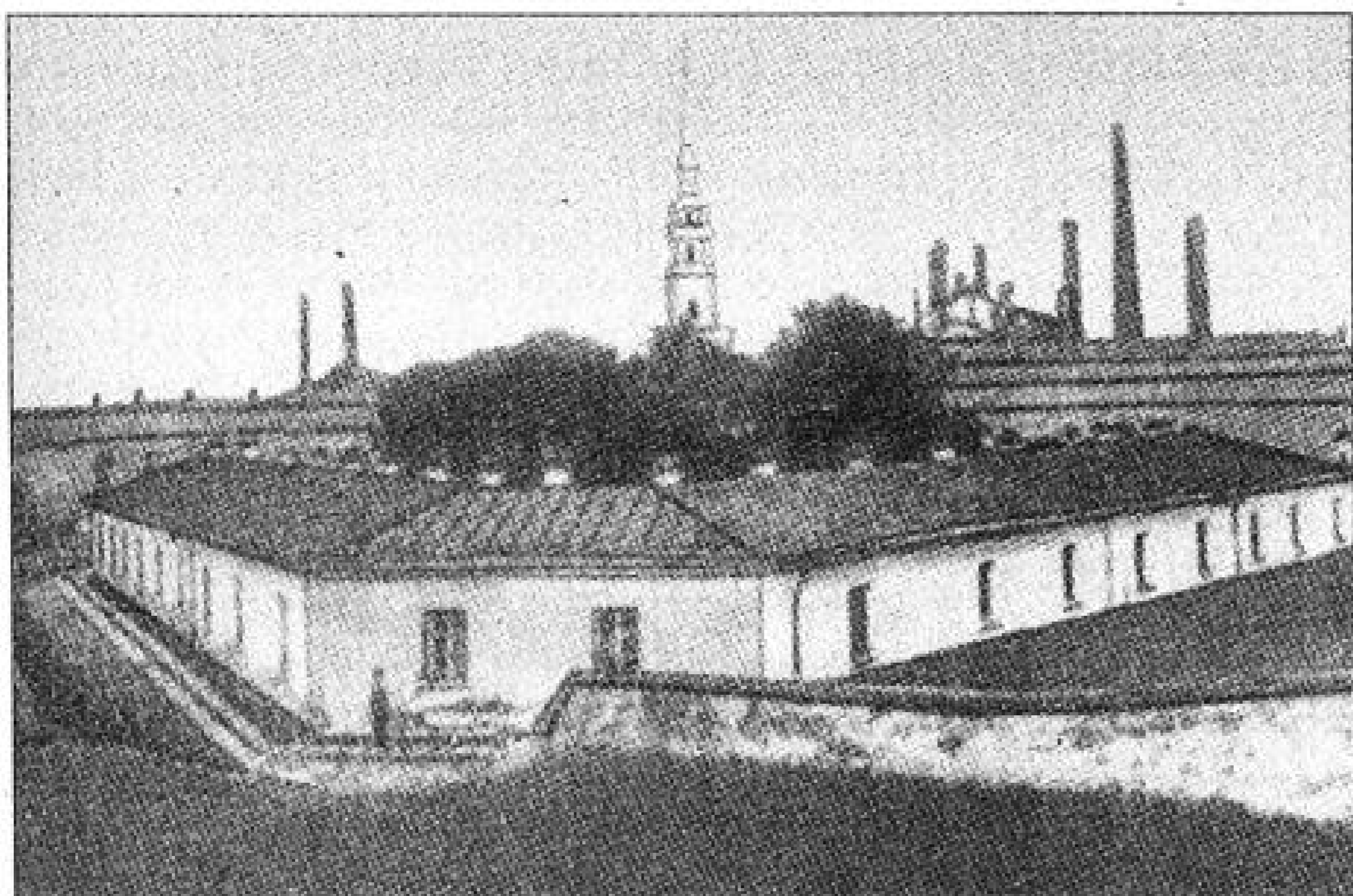
мого Шестова. «Естественнее всего предположить, что это произошло тогда, когда его с товарищами привели на эшафот и прочли ему смертный приговор».

Однако философ отклоняет эту версию. «Второе зрение, — настаивает он, — пришло к Достоевскому непрошеным, с такой же неожиданностью и так же самовольно, как и первое». Разве что первое появляется «одновременно со всеми другими способностями восприятия» и потому находится «в полной гармонии» и с ними, и с их владельцем, второе же есть порождение дисгармонии, а как раз смерть, по Шестову, и «есть величайшая дисгармония».

Отчего же тогда не Семеновский плац? Именно после него, по ряду свидетельств, у писателя развилась эпилепсия, во время приступов которой, а точнее, в преддверии оных таинственное «второе зрение» давало о себе знать с необычайной силой. Достоевский обстоятельнейшим образом описал этот загадочный феномен в «Идиоте», одарив своими самыми, может быть, интимными, самыми заветными переживаниями любимого своего героя князя Мышкина.

«...В эпилептическом состоянии его была одна степень почти перед самым припадком (если только припадок приходил наяву), когда вдруг, среди грусти, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг и с необыкновенным порывом напрягались разом все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удесят�ерялось в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясноты, гармоничной радости...» Но ведь это болезнь, напоминает себе князь (а вместе с ним и автор) и ничуть не смущается этим. Ну и что с того, что болезнь, если она порождает «неслыханное и негданное дотолле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни?».

Невольным свидетелем припадка, причем не самого сильного, оказался однажды Страхов. Было это еще до встречи Достоевского с Анной Григорьевной и до его великих романов, поздно вечером, в канун Светлого Воскресения. Шел оживленный разговор. «Федор Михайлович... говорил что-то высокое и радостное; когда я, — вспоминает Страхов, — поддержал его мысль каким-то замечанием, он обратился ко мне с вдохновенным лицом, показавшим, что одушевление его достигло высшей степени. Он остановился на минуту, как бы ища

Петропавловская крепость: секретный дом в Алексеевском равелине. Здесь во время следствия находился Ф.М.Достоевский